

18+

Саша Белова

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
БЛАГОПРИЯТНЫ
ДЛЯ ПЕРЕМЕН**

Саша Белова

Обстоятельства

благоприятны для перемен

<https://litres.ru/74401254>

ISBN 9785007109949

Аннотация

В центре повествования — трагическая история Олега Ивановича Рыбина, человека, чья жизнь навсегда изменилась после страшного пожара. Скрывая обезображенное лицо под шляпой и шарфом, он ведёт уединённый образ жизни, избегая людских взглядов. Книга затрагивает вечные вопросы о ценности человеческих отношений, способности к состраданию и готовности к самопожертвованию ради другого человека.

Содержание

ГЛАВА I	5
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДАРИТ	5
АПЕЛЬСИНЫ	
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Обстоятельства благоприятны для перемен

Саша Белова

© Саша Белова, 2026

ISBN 978-5-0071-0994-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДАРИТ АПЕЛЬСИНЫ

По Невскому проспекту, неуклюже походкой шёл мужчина. Он был одет в старое серое пальто, такую же серую шляпу, брюки со стрелками и лакированные ботинки. Его шея была окутана чёрным шарфом на несколько оборотов. Лицо мужчины не было видно. Он шел, опустив голову вниз, устремив взгляд на асфальт и голубей. Зато была видна трубка, из которой клубился почти прозрачный дымок. Этого мужчину звали Олег Иванович Рыбин. В восемьдесят четвёртом он попал в страшный пожар и поэтому нижняя часть его лица обгорела.

На подбородке было много рубцов красного цвета и чёрных частичек кожи, той, которая стала пеплом.

Сквозь дождь Олег пробирался домой. По привычке он не поднимал голову, чтоб не испугать людей.

Зайдя в свою квартиру, которая была в три раза старше его самого, он снял свой чёрный, шерстяной шарф. К нему подошла мама:

— Олег, ну что ты как ребёнок? Сходи в больницу, выле-

чись.

В ответ он всего лишь посмотрел своими серыми глазами на мать и зашёл в комнату.

В той самой комнате не было ничего необычного: кровать, полки, стол.

Время от времени Олег покуривал трубку, дремал. И вдруг в открытое окно влетел футбольный мяч.

Олег соскочил с кровати, надел шарф и протянул мяч мальчикам.

— Спасибо, дядя!

Он улыбнулся и закрыл окно.

И вот уже совсем скоро утро. А наш герой только заснул.

Сегодня Олег спал до половины третьего дня.

Его разбудил настойчивый стук в дверь.

— Кто там?

Спросил Олег сонным голосом.

— Это мама.

Олег развязал шарф, который надел заранее и отпер дверь.

— Здравствуй, мама.

Сказал глухо мужчина

— Здравствуй.

Мать смотрела на глубокие рубцы

— Я тебе хлеба принесла... Домашнего.

— Спасибо. Это всё?

— Нет.

Женщина посмотрела ещё раз на лицо сына и сказала:
— Олеж, может сходить в больницу? Пусть тебя посмотрят.

Олег тускло посмотрел на мать и чуть заметно кивнул головой

Следующее утро началось с солнечных лучей. Но это не изменило внешнего вида нашего персонажа, он всё равно надел серую шляпу, закутался в чёрный вязаный шарф.

Выйдя на улицу, Олег шёл по Невскому упираясь на небольшую трость, которую носил с собой исключительно для солидности. Олег шёл прямо, не сворачивая, шёл минут сорок и добрался до серого здания с красным крестом на крыше. Олег шёл по, казалось бы, бесконечным коридорам. Время от времени он поправлял шляпу и дёргал вниз чёрный шарф.

Вдруг мимо проскользнул мужчина в белом халате:

— Снимите головной убор, молодой человек — обратился низкий голос. Олег прокашлялся и уточнил:

— Вы уверены? — врач усмехнулся.

— Что значит «вы уверены»?

Наш герой медленно стянул с головы серую шляпу. Оказалось, что под этой шляпой томились изо дня в день густые и крепкие русые волосы.

Врач увидел обгоревший глаз, который из-за чёрного нагара казался намного меньше другого.

— Что это такое? — воскликнул он, разводя руками.

— Я для того и пришёл сюда чтоб узнать.

Дверь в смотровую со страшным скрипом открылась

— Снимите, пожалуйста, шарф — надевая узкие перчатки, сказал врач.

Олег размотал чёрное полотно. Стала видна самая ужасная часть его лица. Чёрный-чёрный, обгорелый подбородок и щека.

Когда врач закончил, то объявил свой вердикт

— Вам нужна операция. Если её не провести всё может кончиться печально, — Олег нахмурился.

— Когда я могу лечь по нож?

— Через неделю.

Врач посмотрел на Олега.

— Что-то не так?

Врач ответил:

— Дело в том, что наша больница скоро закроется на ремонт. Все средства мы экономим на него. И в нашем распоряжении сумма, лишь на одну операцию.

Олег Иванович молчал, а врач продолжил:

— Мы отпустили домой всех не серьёзно больных пациентов, тяжёлых перевели в другие больницы, но есть одна пациентка, которая может не выдержать переезда в другую больницу. Она осталась одна... не выходит из комы уже несколько недель. Но даже при условии, что она выйдет из комы, мы сможем провести операцию, только с материальной помощью её родных. Но, к сожалению, их не так много они по-

гибли в аварии.

Олег посмотрел в окно палаты, где лежала эта девушка и, завязывая рукой толстый слой пряжи, спросил

— А много не хватает?

— Пятьдесят тысяч.

Над разговором повисла тишина. Олег смотрел на эту девушку, которая лежала в окружении разных приборов издававших самые разные звуки. От пищания до грохота. И вот, наконец, Олег сказал:

— Не знаю как, но я найду деньги. Операцию делайте ей.

— Вы уверены? С вашим ожогом... Жить вам не долго.

Олег протёр рукой глаза, которые находились где-то далеко за полями шляпы и сказал:

— Сколько ей лет? Двадцать три? Я почти в два раза старше. Я видел больше жизни. Дольше топтал ногами эту землю. А, что успела она? Что видела? Пусть она жизнь посмотрит, а я к солнцу поднимусь, там теплее. И вновь тишина. Глубокая и очень долгая. Внезапно к врачу подбежала медсестра с телефоном в руках:

— Виктор Семёнович, звонил заведующий. Просят поторопиться. Через месяц рабочие приедут.

Олег вмешался в разговор:

— То есть времени ещё меньше?

Виктор Семёнович постучал ему по плечу:

— Зато ей будет тепло.

Олег догнал уже далеко ушедшего врача и, запыхавшись,

сказал

— Я... Я найду деньги.

Он пытался говорить громко, но у него не выходило.

— Хорошо, хорошо. Успокойтесь. Мы дадим вам время.

Вдруг в открытое окно, в коридор влетела бабочка и устроилась на носу у Рыбина.

Он чихнул и из-за сильной тряски красавица улетела.

— Можно мне с ней поговорить? — спросил тихо Олег, смотря куда-то мимо врача.

— Конечно, но она вас не услышит.

— Да мне плевать! — буркнул Олег себе под нос и пошёл в палату. Стены в ней были то ли белыми, то ли серыми, а высокий потолок лил прямо на голову свои штукатурные слезы. Он сел напротив девушки и заметил на тумбе кучу записок. Олег тщательно начал копаться в них и разбирать непонятные крючки, палочки и завитки:

— Так значит вы — Наденька, — сказал он шёпотом, смотря на её бледное, но безумно красивое и правильное лицо.

Тяжёлая мужская рука подняла руку Нади и, накрыв такой же большой и суровой ладонью, сказал:

— Ты будешь жить. Во что мне это не стало!

Олег натянул вновь серую шляпу, закутал себя шарфом и вышел на улицу.

За дверью больницы, оказывается, таился безумной красоты мир. Золотые березы и пурпурные рябины на фоне ок-

тябрьского заката. Птицы трезвонят во все голоса, прощаясь с теплом.

Олег засмотрелся на весь этот пейзаж, и ещё долго не мог отвести воодушевлённого взгляда, того самого никому неизвестного, кроме полей шляпы.

Только спустя несколько минут мужчина вспомнил, зачем вообще выходил из дома. Маркером чёрного цвета на какой-то непонятной и грязной фанерке он написал: «Срочно нужны деньги!».

Он стоял на улице несколько часов, лёгкий ветер совсем нелегко бил по щекам. Шарф колыхался в разные стороны, а шляпа и вовсе удерживалась на голове только с помощью рук.

Мимо Олега проходило много разных людей, все о чём-то шептались или наоборот кричали на всю улицу. От различия лиц, одежд, походок у Олега зарябило в глазах. Поэтому время от времени он протирал их холодной чуть ли не обмороженной рукой. Вдруг совсем внезапно как — будто из неоткуда появился молодой человек лет, наверное, тридцати. Он долго ходил вокруг нашего героя и, наконец, заговорил сиплым голосом:

— Добрый день... — Олег недоверчиво посмотрел и кивнул в сторону незнакомца.

— Вам нужны деньги? — улыбнулся он.

— Я предлагаю вам сделку. Вы должны будете раздать ящик апельсинов любым случайным прохожим. А я вам за

это заплачу.

— Но в чём выгода для вас? — усомнился Олег.

— Я просто люблю наблюдать за тем, как люди мне проигрывают. Вот и вся хитрость, — сказал мужчина и, небрежно бросив, на асфальт ящик с апельсинами ушёл. Олег свернул свою картонку в два раза, та с хрустом согнулась и угодила прямо в урну. А Олег, взяв ящик, пошёл в метро.

Было утро. На Звёздной с потолка лились серые, грязные капли. Люди в спешке наступали на лужи и захлопывали пёстрые зонты. Ветер скоростных составов плавно распределялся по всей станции. Продавщицы в киосках громко кричали, созывая всех купить свежие газеты. Незнакомка уже почти ушла, но раздался крик:

— Девушка, они бесплатные!

— Как это?

— Берите сколько нужно...

Она наклонилась и, взяв три апельсина, ушла.

Время шло, дождь всё ещё лил по поребрикам бегали не устающие дети, и небо постепенно становилось розовым. День близился к закату. Метро уже собиралось закрываться, и до Олега дошла весьма, не вовремя дошла мысль: «Что ж это получается? Я тут сижу, раздаю апельсины за спасибо, как-бы от души. Как подарок, а мне за это заплатят, нет. Нельзя так — из корысти. Это же я людей обманываю». Олег встал, отдернул пальто и, оставив деревянный ящик на бе-

тонном полу, пошёл к выходу. Он шёл не спеша, осматривая всё вокруг. Всё было серым: стены, пол, потолок. Всё как будто тосковало.

Олег вышел на улицу и вдохнул наполненный сыростью воздух. Он закурил, нет, не сигарету, а деревянную трубку с янтарным наконечником.

Мужчина сел на лавку и задумался где бы взять деньги. Шёл уже десятый час — ближе к полуночи, а он всё не ушёл. Ему просто нравилось сидеть и наблюдать за тем как темнеет и наполняется сиянием небо.

Но вот ноги, опираясь на солидную тросточку, поплелись домой. Перед тем как сделать шаг вперёд Олег измерял глубину, лужи если она была ровно по полоску на его трости, то эту лужу следовало обойти, а если же меньше, то можно было шагать прямо по асфальтному водоёму.

Олег зашёл в квартиру и, не снимая тяжёлых, лакированных ботинок, прошёл в комнату. Там над не заправленной кроватью висел шкафчик с разными видами склянок и бутылок.

Он достал пухлую банку с синей крышкой винтового вида и открыл её. Оттуда толстокожей рукой, которая была измазана в тех местах, где чаще всего лежала трубка, он достал три бумажки по пять тысяч. Оставив в банке лишь 200 рублей.

Но где взять остальную сумму?

Олег взял трубку и, приземлившись на клетчатое кресло,

которое стояло в углу комнаты, запустил дым.

Серый смок растекался по всей комнате, парил в высоте и растворялся где-то на уровне пола. Рыбина мучала только одна мысль — где бы взять остальную сумму.

В слегка прохладной комнате было серо и глухо. Олег заснул. Его серая шляпа медленно скатывалась на нос. Вдруг в дверь кто-то постучал. Олегу не хотелось вставать. Он лежал в кресле ровно до тех пор, пока этот стук в дверь не превратился в назойливость.

— Кто? — упрямо произнес Олег.

— Это вы, товарищ Рыбин?

Дверь, шабурша по мохнатому ковру, открылась. За порогом стоял полноватый мужчина лет пятидесяти.

— Меня зовут Павел Олегович Табунов, — резво сказал он.

Олег кивнул. И поправляя шляпу спросил:

— Чем могу быть полезен?

Павел посмотрел куда-то мимо дверного проёма, посмотрел глубоко в глаза Олега и произнёс бархатным голосом:

— Я знаю, что вы взялись поручаться за Надежду Каратаеву.

Олег не понял сначала.

— И я пришёл вас поторопить с набором средств.

Олег понял, что речь идёт о той самой Наденьке из больницы.

— Но ведь прошёл только один день! — выкрикнул раз-

дражённо Олег.

— А у нас каждый день на счету. Вы поторопитесь... — ехидно улыбнувшись, сказал Павел и сам захлопнул дверь.

Прошло примерно десять минут после этого разговора, а Олег уже мчался в больницу.

Он шёл время от времени, отдёргивая шарф. Ветер выл и свистел, но шляпа каким-то чудом крепко, как приклеенная держалась на голове. И вот он вновь зашёл в то белое здание с красными креслами. Он шёл по узким коридорам и, наконец, на своём пути в палату он встретил Виктора Семёновича.

— Ах! Это вы, Олег Иванович!

— Да-да...

— Не уж-то набрали всю сумму? — Олег отрицательно помахал головой.

Он порылся в карманах больших и глубоких, в которых что-то брякало и стучало и вот, наконец, Олег открыл среди груды карманного мусора те самые три бумажки по пять тысяч.

— Это что? — изумился почему-то врач.

— Это всё, что я смог пока что насобирать.

Виктор Семёнович как-то из под бровей посмотрел на Олега и, забрав деньги, указал рукой на дверь в палату.

Стуча туфлями и развязывая шарф, в котором шея давно сопрела, Олег зашёл в палату, там было по-прежнему светло, всё ещё красовались высокие потолки. На белоснежной кровати лежала Наденька. Ко скольким аппаратам она была

подключена? Не хватило бы пальцев, чтоб сосчитать, Олег снял шляпу и шарф, взял девушку за руку и сказал:

— Отдыхать тебе, Наденька, недолго остаётся. Где найти остаток денег я пока что знать не знаю, но я тебе обязательно помогу! — он провёл рукой по её щеке. Рука вовсе не была крепкой в тот момент. Она скорее была трясущейся и мягкой. Наверно это было от волнения. Олег вышел из больницы ветер по-прежнему пел свои завывающие песни. Кончик шарфа танцевал под их ритм, а железный наконечник трости легко опирался на гранитную плитку. Олег зашёл в свой дом.

Из деревянного ящика с деревянной ручкой и алым узором он достал дедовскую шапку. Закурил. А за окном резвились ребятишки: кидались листьями, гоняли мяч. Олег раскрыл лежавшую на столе газету. Раскрыл на той самой странице, где различные безработные предлагали работу. Несколько номеров он записал на желтоватую бумажку, сунул её в карман пальто и поторопился к другу, у которого есть красный телефон с круглым циферблатом. Он мчался по улице, не замечая вокруг ни толпы прохожих, ни дождь, который лил с каждой секундой всё быстрее. И вот дойдя до советской улицы, Олег вбежал в дом номера шесть. Этот дом был не столько красив сам, сколько была красива парадная, белые ступеньки и львы, охранявшие своим взглядом весь дом, создавали в подъезде антураж музея. Олег добежал до длинной, бурой двери и постучал в неё.

— Кеша! Кеша! Иннокентий! Где тебя черти носят?

Олег стоял у двери несколько минут. Он притопывал ногой, тянул из трубки дым и нервно смотрел на дверь.

Вот, наконец, она открылась. В проёме стоял сутулый мужчина в проволочных очках.

— Олег, здорова.

— Дело есть, Инок!

Олег прошёл в квартиру и принялся стягивать с себя шарф, шляпу и пальто. Потом оба друга быстро перенеслись в гостиную.

Она не была богатой, но и не казалось бедной. Её убранство находилось на той самой грани бедности и уюта. На полу лежал красный, узорчатый ковёр, стены были слегка окрашены в бежевый цвет.

— Инок, у тебя телефон работает?

Кеша указал пальцем на красный аппарат.

— Я позвоню от тебя?

Хозяин резко махнул рукой, тем самым разрешая позвонить.

Олег порылся в глубоких карманах.

В них зашелестели бумажки свёрнутые в четыре раза. Те самые бумажки он достал и положил перед собой на бурый стол. Кеша ходил вокруг и всё не мог понять, кому так срочно понадобился звонок от Рыбина.

Он же в это время набирал номер:

— Алё! Алё! Как кто? Это на счёт работы. Нет. Опыта нету. Хорошо.

— И, что? — поинтересовался соскочившим голосом Кеша.

— Теперь я охранник.

— Ну, вот и хорошо.

— Спасибо, старина.

Олег нацепил шарф, шляпу и пальто, ускользнул за дверь.

Он побежал в больницу. Дул сильный совсем не тёплый ветер. Нижние уголки пальто раздувало в разные стороны. Олег не решался даже достать трубку. И снова это светлое здание в некоторых местах завешенное плёнкой.

— Добрый день, Олег Иванович.

Сказал дежурный врач.

— Добрый день... кхе-кхе.

Кашляя сказал в ответ он. Олег снял шляпу, надел с брезгливостью бахилы, к которым всегда относился не очень хорошо, и прошел в палату к Наденьке.

— Он поправил свой игольчатый свитер персикового цвета. Потер трехдневную щетину. Он смотрел секундным взглядом в зеркало и сел рядом с Надей.

— Здравствуйте!

Воодушевленно крикнул он.

— Как у тебя дела? Как отдыхается? Ты спи — спи, отдыхай. У тебя еще жизнь впереди, набегаешься.

Было тихо. Настолько тихо, что было слышно, как громко дышал Олег. Он держал в своей ладони руку Наденьки, сжимал ее крепко-крепко. Олег кинул взгляд на её лицо. Оно

было таким нежным мягким...

Олег дотронулся до него дрожащей рукой. Он провел по щеке своей большой кистью. Он уже хотел убрать руку назад в карман.

Как вдруг эта вялая, но чистая как хрусталь фраза сказанная бесцветными губами.

— Не уходи!

Олег вновь снял шляпу и быстрым шагом подошел к кровати:

— Что?

С дрожью в голосе произнес он и вновь взял руку Наденьки в тлен своей мощной ладони.

— Не уходи.

Повторилась девушка. Олег смотрел на неё, а его голубые глаза постепенно налились красным цветом. И по его загрубелой черной* щеке потекла чистая-чистая соленая слеза. Он сжал, как только можно было крепко руку Наденьки:

— Почему ты плачешь? Со мной все хорошо.

Олег молчал. У него не было слов, чтобы описать свои чувства... Он становился, то красным как рак, то бледнел; Через несколько минут Олег пришел в себя и спросил:

— Ты... Ты знаешь, как меня зовут?

Девушка отрицательно махнула головой. Олег, снимая шляпу сказал:

— Меня зовут Олег. И я обещаю, что вылечу тебя.

Теперь судя по лицу слов не находилось у Нади. И она

просто и молча смотрела в окно.

— Тебе грустно? — поинтересовался Олег.

— Нет. Не так сильно... Во всяком случае.

Оба замолкли. И это молчание было самой красноречивой повествовательностью, которая рассказывала многом. Не говоря ни слова.

— А давно осень?

Олег замешкался:

— Нет, еще лишь сентябрь. И снова пауза. Затяжная, как свист пули. И встречается эта фраза. Этот вопрос, который ввёл в заблуждение:

— Олег, у тебя не ёкает?

— Что прости?

Надя улыбнулась и сверкнула сиреневыми глазами.

— Не притворяйся. Ты знаешь, о чем я.

Олег тяжело вздохнул, разжал, наконец, свою вспотевшую ладонь и сказал:

— Стучит что-то. Не ёкает, а стучит тяжело. Как будто сказать что-то хочет, а я и не слушаю вовсе. Мне только одно хочется — чтобы ты здорова была. И я ни за что тебя не брошу.

Надя заснула, а Олег, поправив шляпу и надев шарф, вышел за белую дверь. Он шел по узким коридорам с облупившейся на стенах краской, стуча своей тростью и все думая о том, как еще помимо работы можно найти деньги.

Олег шел, смотря в небо, оно было затянуто серыми туча-

ми, из которых как из ведра лилась прозрачная терпкая на вкус вода. Олег зашел в квартиру и поёжился от холода. Не снимая лаковых ботинок, он прошел в гостиную и, раздвинув легкие занавески в стороны, закрыл окно. Наконец Олег стянул с себя пальто, шляпу и шарф, надел просторный махитового цвета халат. Он слонялся из стороны в сторону вдоль всей квартиры. Проходя мимо здорового шкафа, он протирал по полкам указательным пальцем в надежде хоть немного очистить дом от мусора. Вдруг настойчивый стук в дверь изменил поведение Олега. Он резко нацепил шляпу, наспех замотал вокруг шеи шарф, покрепче затянул халат, стиснул зубами трубку, открыв дверь:

— Добрый день, Олег Иванович.

Он именно кивнул:

— А мы разве знакомы?

В дверях стоял худощавый мужчина с впалым лицом.

— Кто же вы? — Спросил Олег.

— Я троюродный брат Наденьки. За которой вы так любезно ухаживаете.

— Ах! Я могу чем-то еще помочь вашей семье?

Мужчина помрачнел:

— Как раз таки нам от вас ничего не нужно! Мы справимся и без посторонней силы.

Олег осторожно протянул мужчине уже собранные деньги:

— Возьмите:

Мужчина поправил серый галстук и сказал то ли тихо, то ли не внятно

— Нет, не нужно и закрыл дверь.

Теперь Олег находился в смутном состоянии. У него внутри горело ярким огнем желание помочь Наденьке, но он чётко понимал, что не может этого сделать.

Олег бросил на громоздкую плиту чуть ржавую турку и стал караулить, пока сварится его любимый кофе. Чуть позже он налил в стакан бурого цвета сваренную жидкость и лёг спать. Олег укрыл себя, взбил подушку и заснул впервые за три дня. Мужчина проснулся уже ближе к вечеру, на улице смеркалось. Впервые в жизни Олег почувствовал себя совой.

Он прошёл босыми ногами по скрипучему деревянному полу. Подошёл к двери. Хотел было он ради удовлетворения интереса посмотреть в глазок. Но отверстие в двери было заклеено чем то желтовато-белым.

Олег отпер дверь и увидел маленького чёрного котёнка с голубыми глазами. Олег взял его на руки и оторвал бумажку, висящую на стальной двери:

«Здравствуй, Олег. Это я — Наденька. Почти моих родственников. Они, правда, уже сделали все, чтоб вылечить меня. Завтра операция. Этот котенок для тебя. Посмотри на подвеску у него на ошейнике.

Я жду».

Олег взял на руки пушистого зверька. Он был настолько пушист, что сквозь его длинную шерсть не было видно ни

одного пальца Олега.

Мужчина Робко дернул с его ошейника маленький свисточек. Дрожащими от волнения руками он принялся разворачивать бумажку. И вот когда это удалось сделать, он увидел маленькую — маленькую фотографию Нади. Конечно, на этой чуть блеклой фотографии была надпись:

«Олег, признаться честно я помню тебя очень смутно, но я помню твои глаза. Они были такие светлые! И добрые — добрые!!! Мне уже разрешили вставать. Сейчас я дома. Приходи сегодня в парк».

Олег кинул взгляд на часы: было где-то около часу дня. Мужчина накормил котёнка и ринулся к вешалке, он резво накинул на плечи пальто, повязал шарф и нацепил шляпу.

Вот уже через несколько минут он нёсся по мокрым тротуарам. Дождь прекратился. И наконец, и на улице стало невыносимо жарко, но Олег не горел особо желанием подраздеться. Он топал каблуками и с ужасом понимал, что забыл дома свою любимую трость, но возвращаться уже не хотелось. Его желание было ярким и пылким — дойти до парка и увидеть Наденьку.

И вот среди зелёных деревьев уже мелькает серый силуэт. Олег в замешательстве искал Надю. К нему подошла девушка низкого роста с длинными почти до самого пояса волосами. Олег вскочил со скамейки:

— Это вы Наденька!

Девушка наклонилась, она посмотрела на Олега и сказала:

— Сними шляпу.

Олег медленно, оборачиваясь по сторонам, стянул серый головной убор.

— Да! Это ты Олег!!!

Надя села рядом и сказала:

— Я помню наш разговор.

— И я, — сказал шёпотом Олег.

— Мои родственники... Они запретили видеться мне с тобой. Я не знаю почему. Но я очень хочу всегда быть именно с тобой, Олег.

Рыбин чуть приглушенно сказал:

— Я тоже хочу быть с тобой всегда.

Надя тяжело вздохнула:

— Но сегодня мы видимся, наверное, последний раз.

Олег испугался:

— Нет! Нет!

— Даже сейчас я втайне от дяди пришла к тебе ну, а после операции? Я, наверное, везде буду с ним ходить.

Олег молча смотрел на Надю, а она на него. Начинало смеркаться. Звезды заполнили синее небо, начинал моросить лёгкий мелкий, как манная крупа дождь:

— Олег, не забывай меня... Пожалуйста.

Рыбин посмотрел на Надю. Его глаза наполнились, как казалось, очень глубокой мыслью

— Я тебя уже никогда не забуду.

Вконец стемнело. Надя взяла Рыбина за шероховатую ру-

ку, которая медленно тянулась к шляпе и сказала:

— Ты не должен стесняться того, что является твоим, в том числе своей внешности.

Олег замялся. Впервые за долгие годы он чувствовал, то самое тёплое и нежное чувство от, которого плавился лёд накопленный годами в его сердце.

Попрощавшись с Наденькой, Олег ещё несколько часов сидел на скамейке и всё думал, размышлял, о том, что теперь ему делать. Мелкий дождь превратился в настоящий ливень. Пальто постепенно становилось всё тяжелее из-за падающих капель, отскакивающих от полей шляпы. Рыбин вконец замёрз. Он накинул на себя шарф, послушавшись тем самым Надю, и поплелся неспешной чуть вялой походкой домой.

Скрипнув дверью и позвения ключами, Олег зашёл. Он с тягостью принялся стягивать с себя узкие, ласковые, чёрного цвета туфли. Пройдя в комнату, мужчина сел на бурый диван, налил себе стакан воды, положил рядом хлеб с салом и принялся ужинать. Вдруг из-за двери в спальню донесся звонкий и тонкий крик

— Мяу!

Олег, топая, как самый настоящий слон, побежал на звук:
— Котёночек! Я уже и забыл о тебе.

Он провел рукой по чёрной гладкой играющей яркими цветами шерсти. Котенок замурлыкал и заснул на руках у мужчины. Время от времени взмахивая хвостом.

Олег пошёл в свою комнату. На твёрдый слегка покрытый

ржавчиной стул он повесил рубаху и брюки. Котенок спал в шляпе. А сам Олег горел желанием залезть в постель и крепко заснуть, но он не мог. Пахучая «прима» невольно тянула к себе.

Словно добиваясь того, чтоб в эту ночь Рыбину не удалось поспать. И вот уже на часах третий час нового дня, а Олег только засыпает, укрывшись белым Одеялом и отодвинув пепельницу на другой край стола.

Вот утро. Оно принесло неожиданных гостей. Рыбин запахнувшись в халат, подошёл к двери и увидел маленького мальчика лет, наверное, шести с тёмными, курчавыми волосами:

— Тебе чего? — Изумился Олег.

— Дяденька... — Скромно начал мальчик

— У вас нет кошки? У моей сестры умерла кошка. А они с ней были как друзья. Я хочу, чтобы сестра смеялась, а не плакала, но папа сказал, что мне уже пора стать мужчиной...

Мальчик не успел договорить: его голубые большие глаза светились и словно умоляли о помощи.

Олег взял на руки чёрного котёнка и протянул его мальчику, сказав лишь одну фразу чуть громче, чем шёпотом:

— Все говорят, что нужно стать кем-то, а ты оставайся собой.

Мальчик, накинув на голову капюшон болотного цвета, побежал по ступеням и крикнул возвышенным до невероятных тембров от радости голосом:

— Спасибо, дядя!

Олег, сдвинув маленькую шкатулку, достал из-за неё пыльную, слегка покрытую по краям ржавчиной цепочку. На той самой цепочке был кулончик, куда Олег Иванович аккуратно, трепетно по-детски засунул фото Наденьки.

«Сегодня операция — думал пол себя Олег, — сегодня она выздоровеет». Яркие и сочные по содержанию мысли не отпускали мужчину. Он спустился по крутой лестнице, увинченной львами, и забрал почту. С не особым желанием мужчина перелистывал одну страницу за другой, успевая время от времени покуривать трубку.

Кромешная, гробовая тишина дурманила и успокаивала. Старинные дедовские ходики тикали, словно с каждой секундой медленнее. А дневной свет упорно пробивался, через стену Штор.

Олег уже несколько дней питался одним чаем и хлебом. Но он в спешке и круговерти событий просто не замечал этого — ему было просто всё равно. В дверь кто-то настойчиво начал барабанить. Олег надел шарф и, набросив на себя шляпу, пошёл открывать.

Перед ним стоял мужчина с непонятным листом в руке. Олег окинул его вопросительным взглядом и, тот, поняв, что пора что-то говорить, сказал:

— Заполните анкету и приходите на митинг.

Рыбин кивнул и чуть вальяжно захлопнул дверь.

Положив листок на деревянный стол, он принялся читать:

«Приходите на митинг

МЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ОНИ!

и выскажите своё мнение о современной власти!»

Олег до изнеможения не любил подобного рода занятия и поэтому он эту самую бумажку бросил за окно, написав на ней крайне не стандартный (чёрный) отзыв.

Было традицией в 12.00 дня осуществлять не длинную прогулку по Невскому, чем и занялся Олег. Он шёл, постукивая солидной тростью, опустив голову вниз, закрыв лицо привычным атрибутами.

И внезапно, совсем неожиданно подул сильный ветер. Он стянул с мужчины шляпу и небрежно бросил её в воды Невы. Олег был в замешательстве — его чёрные волдыри и глаз теперь виделись и были неимоверно заметны на бедном лице. Он старался идти, делая вид, будто так и должно быть, но всё же не выходило. Его густая шевелюра торчал в разные стороны, и сердце билось как бешенное.

Скорость мужчины резко увеличилась. Он уже не шел, втыкая трость в серый асфальт, он не курил больше трубку. Он бежал, как только можно быстро, в сторону противоположную назначенному маршруту. Вскочив в лифт, Олег, наконец, смог отдышаться. Он нажал на кнопку с цифрой шесть, как вдруг разнесся крик:

— Подожди!

Рыбин придержал дверцы лифта и, какого было его удивление, когда в эту самую кутузку зашёл Инок. Тот самый,

который являлся телефонной станцией для Олега.

— Здорова, Иванович, — сказал телефонист и протянул руку Олегу.

— Да чего ж ты? Не родные мы что ли? С армии дружим. Олег обнял Инока и похлопал по спине.

— Ты чего-то без моды?

Олег тяжело вздохнул:

— Питерский ветер...

— Чего? Сдуло что ли?

Иванович кивнул, скрутив губы в тонкий жгут и выручил глаза. Инок понимал, что это событие далеко не радостное и сказал:

— Ты это... Не бойся.

Дверь лифта с жутким скрипом открылась.

— Как Надя? — Спросил со слышимой аккуратностью Инок.

— Завтра операция и это всё, что я знаю.

По глазам друга было видно, что он хотел что-то спросить, но решился только сейчас:

— Ты её любишь?

Олег кивнул, по его загорбелой коже потекла слеза.

— Чего ж ты убиваешься?

Олег вздохнул:

— Да ничего, Кеш... Ничего.

Двое стояли у окна, выпуская клубы дыма.

— Я всегда знал, что любовь — коварная вещь, что губит

людей, не используя револьвера.

Олег не вытерпел, он побежал в свою квартиру и закрылся на замок. Не думая ни о чём мужчина полный чёрных эмоций рухнул в кровать. И не просыпался до самого утра.

И вот когда восход был уже совсем близко и птицы готовились исполнить свою пробудительную серенаду, Олег проснулся, неловко он выпрыгнул в тапочки и вышел на лестничную площадку за почтой.

На коврике бурого цвета прямо под дверью лежали свернутые в комок шарф и шляпа. А поверх этой каши лежал жухлый лист:

«Вообще я приходил позвать тебя на похороны нашего старшины Куликова. Они будут сегодня в 15.30 на Южном. Приходи.

Инок»

Рыбин тяжело вздохнул, примерил шляпу, шарф, запахнул халат и вышел на балкон. На улице было на удивление тепло и солнечно.

Жухлая, уже дряблая трава шелестела, принимая на свою хрупкую фигуру груду пожелтевших листьев.

Олег с недоумением в лице посмотрел на часы, которые показывали ровно час дня. Мысль о том, что операция Наденьки закончена, не давала мужчине покоя... Его сердце бежало быстрее, только от мысли, что она здорова и может жить полной жизнью.

Рыбин сел высунув голову в окно, выпуская из дедовой

трубки ровные кружки дыма.

Прошёл ещё час, и пришло время собираться на похороны. Олег вышел из дома в половине третьего. По дороге он зашёл в магазин и купил четыре Алых розы. Затем он запрыгнул в автобус маршрутом номер 14 и доехал до самых ворот.

Тёмный лес, огороженный забором. Кorteжи машин и воюющие от горя люди. Именно такая картина открывалась в виде панорамы. Иванович шёл, неся в руках букет. Вот, наконец, он дошёл до нужного участка, возле которого росла толстая и крепкая сосна.

— Сегодня мы прощаемся с Антоном Игоревичем Куликовым. Он был настоящим военным и педагогом.

И вдруг Олег, случайно обернувшись, увидел знакомое лицо, он подошёл поближе. Его шаг немного засеменил. Он был всё ближе к тому голосу, и вот придя он увидел, того самого дядю Нади, который приходил к Олегу домой. Олег нервно спросил:

— А что тут происходит?

Дядя обернулся. И неимоверно грубой интонацией начал говорить:

— Ах это вы! Вы тот самый изверг! Это вы виноваты, что Наденька умерла! Вы!

Олег пришёл в недоумение:

— Надя... Что?

Но собеседник будто не слышал вопроса:

— Вы, Олег Иванович — падла последняя. Вы — изверг и чудовище! Не приближайтесь и на метр к могиле моей племянницы! Слышите?

Олег пришёл в полное оцепенение, его хмурые, обгорелые глаза постепенно наливались прозрачными слезами, взгляд из вечно равнодушного перерастал в грустный и скорбящий. Олег закинул голову назад, создавая тем самым преграду для слез, но это не помогало.

Его руки затряслись, глаза забегали из стороны в сторону, а пульс участился до невероятной частоты. Нервы съедали его мысли и сознание. И только от той мысли, что нет больше его Наденьки, ему становилось лишь хуже.

Спустя несколько минут к Олегу, сидящему на синей лакированной скамье, подбежал Инок:

— Ты чего?

Олег молчал.

— Эй! Всё хорошо?

Мужчина не поднимая головы, протянул два цветка Иноку:

— Положи на могилу начальства.

Инок не понимал, что происходит, и понял, что лучшим выходом будет уйти.

Уже темнело. На кладбище никого не было, и теперь помятый и до жути расстроенный Олег подошёл к огромному серому памятнику. Он сел на корточки и сняв шляпу начал говорить слегка приглушенным шёпотом:

— Солнце моё...

Пауза. Затяжная и емкая.

— Ты... Ты не знаешь, насколько я тебя люблю.

Олег замолчал. В этой глухой тишине Рыбин молча смотрел на пестрящие своей яркостью цветы и среди этих букетов краем глаза он заметил зеленоватую блестящую от яркого света луны бутылку. Он взял её в руки и, потирая рукой нос, откупорил пробку. В узком зелёном горлышке, не пропускавшем ни единого солнечного луча, лежала свернутая в восемь раз маленькая бумажонка. Олег бегающим взглядом осмотрел её и дрожащими руками начал разворачивать тусклый сверток:

«Дорогой дядя, если жить без любви, жизни не будет. Я искренне благодарна тебе за то, что я сейчас жива. Но ты изолировал меня от самого дорого мне человека. Без него я жить не хочу. Да и не так много мне осталось... Чего тянуть? Олег — это все, а я... Я всего лишь частичка этого всего.

Твоя племянница Надя».

Олег подкрался к памятнику. Листья под его ногами шелестели, птицы над головой распевали серенады луне, а чистое небо наполнялось яркими как улыбка младенца звездами.

Мужчина сел на промерзлую землю и охватил руками серый постамент:

— Что же ты наделала? Что же ты наделала?

Рыбин повторял эту фразу, не переставая. Его глаза были закрыты, голова откинута назад. Лево́й рукой он оперся на могилу, а правой упорно искал что-то в карманах на сером пальто. Он елозил рукой сверху вниз и снизу вверх. И тут совсем неожиданно в глаза залился яркий, сочный, светло — жёлтый свет фонарика:

— Ты чего тут забыл? — Спросил кто-то сиплым голосом.

— Эй! — Повторился он.

Олег встал, отряхнул колени и спину, резким и неаккуратным движением надел шляпу:

— Олег Иванович, — протянув руку сказал он.

— Шумаков Ролан Аркадьевич, — ответил мужчина с фонарём в руках.

— Что плохо тебе? — Смотря на могилу и на Олега, спросил Ролан

Ответом стал затяжной полный уныния кивок головы.

Смуглые аллеи, освещаемые тусклым фонарным светом, мелькали перед глазами. Два ярких, но не чётких, скорее туманных силуэта ползли по узкой тропинке.

Шли молча. Без разговоров. Да и о чем в такой ситуации можно говорить с человеком?

Явно не о радостях жизни. Слышалось лишь время от времени глубокое дыхание, издаваемое Олегом.

Наконец путь был завершён. Мужчины дошли до совсем не высокого, хилого домика. Его крыша слегка перекосилась в левую сторону, труба, сложенная из алого кирпича, была

уже наполовину разрушена, окна перекосились в разные стороны.

— Сюда? — Осторожно спросил Олег.

— Угу.

Изнутри дом был крайне бедным: две скамьи полати, сложенные из осинового бревна, и ящик светлого цвета. В доме было весьма темно, свет попадал лишь, через щель в деревянных окнах.

Ролан подошёл к ящику и плавно открыл его:

— Садись, Иванович. Рассказывай.

Олег поправил шляпу и одернул по привычке шарф. Шумаков недоверчиво осмотрел Рыбина:

— Сыми все эти побрякушки

— Что?

Удивился Олег.

— Сыми!

Не уверенным движением шляпа и шарф сошли с бугристого лица. Собеседники сидели вместе примерно до полуночи. Они говорили и попивали беленькую, занюхивая пальцами. Олег рассказал все — про пожар, про ремонт в больнице, про апельсины на Звёздной. Ролан Аркадьевич слушал крайне внимательно, не пропуская не единого слова:

— Сволочь ты, Олег Иванович... апельсиновая. Влюбился и теперь жить не можешь — любовь для тебя как язва получилась, обуза какая что ли... Значит, она настоящая была.

Олег усмехнулся. Но смех этот был крайне натянутым,

как будто кто-то на прищепки прицепил уголки рта, которые упорно впали в щеки, образуя небольшие ямки.

Время было уже весьма и весьма поздним, потихоньку из шкафов и ящика выползли подушка и мятое серое одеяло. Олег стиснул зубы и корявым голосом сказал:

— Я не здесь ночевать буду.

Он собрался и вышел за дверь. Ролан не торопился его останавливать. На улице слегка моросил дождь, но небо было светлым и безоблачным.

Олег шёл вялой походкой, будто изнеможённый непосильным трудом. Его голова болталась из стороны в сторону, не поднимаясь выше уровня кустов шиповника, тонкая и элегантная трость упиралась в сопливую землю и с ужасным хлопком поднималась вверх.

Вот, наконец, Олег Иванович дошёл до «Наденьки». Он снял шляпу, положил на вязкую землю все свои атрибуты и лег рядом с памятником. Он повернулся на бок и ухватил горсть тёмной чуть глиняной земли.

Лежал он так до самого утра, временами внюхиваясь и словно грея в руках горсть земли.

Утренний свет разбудил мужчину щекотанием, проснувшись и стряхнув землю с колен, Рыбин вдруг засмотрелся на памятник. И вспомнив слова Наденьки, он резко сорвал с себя шляпу и шарф и спрятал их в огромное дупло в стройном клене.

Олег возвращался домой. Идти по улице, не прикрыв лица, ему было крайне не привычно. Но он шел, настойчиво и упорно, не оборачиваясь. По темным проспектам и переулкам, по площадям и бульварам. Было темно. Слегка пахло невиской сыростью, время от времени с неба слетали позолоченные звезды. Рыбин прошёл мимо бара, даже не бара, а скорее тухлявого кабака. Неуклюжим движением он отпер стеклянную дверь и прошёл к барной стойке:

— Три по 150, — сказал он, не поднимая головы.

Он сидел за барной стойкой до самого утра. Наступил рассвет — то самое время, когда шторы ещё разрешали солнцу заходить в здания. На русой шевелюре Олега весело играл луч солнца. Пока мужчина спал, его разжарило и он стянул с себя серое, скатавшееся в катышки пальто.

— Проснитесь...

Толкнув в плечо, сказал статный бармен, потирая рюмку. Олег нехотя поднял голову, в растерянности оглядываясь по сторонам. Всё ему казалось незнакомым. Откровенно говоря, бедный мужчина даже не понимал, где находится. Для Рыбина лучшим решением сейчас определённо было удалиться.

Он встал и сонливым движением запахнул пальто. Его ботинки стучали по асфальту, а лицо, которое было уже ничем не прикрыто, выглядело крайне скудно — вялые красные глаза, мешки под ними серого цвета, бледные как утренняя роса губы и вялые, неожиданно впалые, щеки. Он шёл,

опираясь на трость, уже вовсе не для солидности — его ноги завязывались в узел, запинаясь друг об друга. И дышал он словно паровоз или заядлый курильщик. Хотя и курил только изредка дедовскую трубку.

Он шёл, смотря лишь в туман. И нет, вовсе не алкоголь сделал его таким: о том, что он вчера крепко выпил Олег даже и не думал. Все его мысли и раздумья сводились к Наденьке, и ни о чем другом думать он не мог. Вот дойдя до дома, он присел на скамейку во дворе и сел, откинув голову далеко назад себя. Время от времени он поправлял рукой обильную челку и зажмуривал глаза, не пропуская в них яркий дневной свет. Вот спустя несколько минут Олег зашёл в дом. Он вальяжно поднимался по ступеням, все больше задыхаясь с каждым этажом. Все больше Олег запыхался и терялся в пространстве, буквально не понимая, куда идти.

Открыв дверь в квартиру, он ринулся искать ручку. Олег Иванович бегал по всей квартире, смотря в каждом ящике, каких было немного. Он заглянул даже под пыльную кровать. Спустя несколько минут поиск благополучно завершился. В деревянном стаканчике на подоконнике стояли ручки и давно забытые письменные принадлежности. Бумагу найти было проще. Олег знал, где она хранится — за большой и в ширину и в высоту энциклопедией под названием «Советская».

Взяв ручку, Рыбин судорожно начал писать. Писал долго. Минут тридцать он точно не вставал из-за стола.

Затем мужчина плавно перенесся в ванную и сдернул с потолка бельевую верёвку коричневатого цвета. Заглянул на кухню, взял резким движением табурет и поплелся в гостиную. Олег кинул взгляд на большую люстру с толстенными узорчатыми вензелями. Дрожащими вялыми руками он завязал на крепкой веревке такой же крепкий и пухлый узел.

Сняв лакированные ботинки, он буквально прыжком влез на табурет. Набросив на мощную шею петлю, Олег раскинул руки в стороны. Его сердце колотилось как бешенное, вырабатывая горячую, алую как роза, кровь.

Рыбин понимал и осознавал, что дышит он сейчас этим воздухом самый последний раз и видит этот свет последние секунды. Хотел он было уже оттолкнуть ногой опору и попрощаться с этой жизнью, как вдруг дверь в его квартиру со скрипом открылась:

— Олег! Олег!!! Ты дома? Я тебе долг принёс. Олег...

Инок ходил по квартире в поисках друга. И, наконец, его взгляд устремился в гостиную:

— Какого черта ты творишь? Рыбин, не сходи с ума! Что тебе это даст? Чего ты хочешь добиться? Смерть тебе ничем не поможет! Ты это понимаешь?!

Рыбин молчал.

— Олег, не надо! Ты подумай, чего ты себя лишаешь! Дело твое конечно... Но жизнь одна. И если ты действительно думаешь, что заслуживаешь только смерти, то спорить с тобой пустое дело.

Олег стянул с шеи петлю:

— Зачем? Зачем остановил? — Поникшим голосом спросил Олег.

— Не будь дураком, Иванович. Что бы тебе это дало? Чего ты хотел?

Олег сел поближе и постучал по спине Инока:

— Спасибо...

Старый друг лишь широко улыбнулся во все тридцать два и пошёл к выходу. Вялый, но явно счастливый Рыбин подошёл к порогу и закрыл дверь. Его внешний вид все же не был лучшим. Его истощали все нажитые проблемы и голод. Неимоверно затяжной. Олег не ел уже несколько дней, лишь время от времени попивая воду.

Мужчина прошел на кухню и из зеленоватого ящика достал хлеб, который прел в целлофановом пакете. Слегка тупым ножом он отрезал толстенный кусок и высыпал на него две небольшие щепотки соли.

Олег сидел за столом и кусал бутерброд. И мысли лезли ему в голову достаточно однотипные: «Мне сорок два года. А что я успел? Чего добился?».

Вот бутерброд уже сменился на деревянную трубку.

«Где мои дети и радость? Нет у меня жизни. Была, наверное, когда-то, но сейчас нет. Сейчас я живу только чтоб быть, а не ради кого-то».

В лицо светили яркие лучи солнца, время от времени влетали в дом бабочки. Олег Иванович осознавал, насколько он

несчастен и не дай бог ему остаться таким. Он всей душой и сердцем понимал, что ему нужен кто-то, о ком бы он мог заботиться, кто смог бы его отвлечь. Олег решительно выбежал из квартиры и ринулся в сторону, обратную обычной прогулке. Он бежал так сильно, что казалось не он это вовсе.

И вот перед мужчиной встали огромные железные ворота с кривой еле висящей табличкой:

«Приют для бездомных собак»

Олег нажал большую алую кнопку. Ворота открылись. Он шёл и смотрел на визжащих собак. На самой последней аллейке он увидел маленькую во всех отношениях клетку. В ней сладко сопели двое миниатюрных щенка нескольких дней от роду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.